

«Сибирский вестник» (Томск)

1889, 29 декабря, № 150

с. 3-4

Театр и Музыка.

«Ивановъ», драма Чехова.

Въ вечернемъ спектаклѣ, 26 декабря, была дана новая для Томска драма, въ 4 дѣйствіяхъ, «Ивановъ», принадлежащая перу одного изъ даровитыхъ нашихъ беллетристовъ. Произведеніе это, несомнѣнно, принадлежитъ къ серьезнымъ талантливымъ вещамъ и рѣзко выдѣляется изъ массы другихъ, которыя намъ приходилось видѣть на сценѣ за послѣдніе годы.

Во 1-хъ, эта пьеса вполне жизненная; типы, выведенные въ ней, обладаютъ *самоличностью*, — они дѣйствительно существуютъ въ наше время, и если нѣкоторые изъ нихъ представляютъ болѣзненное печальное явленіе, то это уже вина условій времени, которое ихъ порождаетъ, производитъ на свѣтъ. Во 2-хъ, драма скомпонована въ высшей степени удачно, — одно дѣйствіе непосредственно истекаетъ изъ другого, и все обличаетъ талантливую руку мастера, хотя и начинающаго, еще новичка. Неопытность видна въ слабой обрисовкѣ нѣкоторыхъ характеровъ, въ растянутасти и лишннихъ сценахъ. Это, правда, не грандіозное произведеніе могучаго таланта, но тѣмъ не менѣе — въ общемъ картина выводитъ жизненная и правдивая: вы чувствуете, что присутствуете при драмѣ, выхваченной изъ жизни, взятой съ натуры. Въ этой драмѣ является для васъ нѣчто темное, — недоговоренное, сразу непонятное; но когда вы начинаете вдумываться въ нее, то это непонятное, недоговоренное авторомъ, дополняется, и картина рисуется вамъ во всей ея полнотѣ — со всеми ея деталями. Судьба героинь драмы, ихъ дѣйствія и мысли — воостаютъ передъ вами ясно, отчетливо, и вы видите, сознаете, что они правдивы, — что они дѣйствуютъ и живутъ такъ, какъ иначе и не могли бы дѣйствовать и жить при той обстановкѣ, которая ихъ окружаетъ...

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ драмѣ является Николай Алексѣевичъ Ивановъ (именемъ котораго и названа пьеса), непрѣмный членъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ (i. *Давровскій*). Это человекъ — несомнѣнно обладающій болѣзненной нервной организаціей, но полный самыхъ благихъ свѣтлыхъ стремленій, — жаждущій жить не для одного прозябанія, а чтобы работать для общаго блага. Но этотъ че-

ловѣкъ, видимо, не имѣетъ подѣ собой поч-вы, не имѣетъ, такъ сказать, *устоя*, и не вѣрить въ свои силы. Это, отчасти, психопатъ, валяющій въ настоящее время можно встрѣтить повсюду, и очень много. Онъ влюбляется въ дочь богатаго еврея Сарру, увлекаетъ ее, и та, ради его, бросаетъ семью, измѣняетъ своей религіи и, принявъ православіе, подѣ именемъ Анны Петровны (i. *жа Любовина*), дѣлается его женой. Но Ивановъ, собственно, никогда ее не любилъ, — онъ увлекался только ею, какъ, затѣмъ, послѣ брака съ ней, увлекся 20-ти лѣтней дочерью предсѣдателя земской управы Лебедева (i. *Стрѣльскій*), Машей (i. *жа Алхматова*). Ивановъ уже не первой молодости, — ему, должно быть, лѣтъ подѣ сорокъ, — въ волосахъ его уже пробивается сѣдина. И вотъ, когда его первая жена Анна Петровна серьезно заболеваетъ и, наконецъ, умираетъ, причѣмъ ея смерть ускоряется тѣмъ, что она узнаетъ измѣну мужа, заставъ его въ любовныхъ объясненіяхъ съ Машей, — Ивановъ окончательно падаетъ духомъ, и, именно, въ тотъ моментъ, когда, казалось-бы, всѣ преграды уже разрушились и онъ могъ-бы соединиться на всегда съ нѣжно любимой имъ Машей, которая тоже увлечена, *повидимому*, имъ и горячо и страстно его любитъ...

... Но онъ падаетъ духомъ и совершенно изнемогаетъ, и только твердитъ одно, что онъ взвалилъ на себя ношу не по силамъ и падаетъ подѣ бременемъ ея, надорвавшись. Зритель можетъ тутъ находиться въ недоумѣніи, — находить поступки Иванова неестественными, и оно, правда, съ перваго раза такъ покажется. Дѣйствительно — оно такъ-бы казалось, — отчего — бы человекъ могъ пасть духомъ: полюбилъ онъ женщину, увлекся ею и, затѣмъ, разочаровался и полюбилъ другую. Что въ этомъ особеннаго: тутъ ошибка грустная, но еще не такая, которая была-бы непоправима и въ которой заключался-бы роковой гамлетовскій вопросъ — «to be or not to be» — *быть или не быть?* Правда, Ивановъ еще указываетъ на то, что, будто, онъ старъ для Маши, — что она полна молодости и свѣжести, а у него уже въ волосахъ сѣдина. Но это все фразы, и развѣ мы не видимъ, сплошь и рядомъ, въ жизни, что 40 лѣтніе мужчины женятся на 16-ти лѣтнихъ дѣвушкахъ, и браки такіе бывають счастливы.

Дѣло тутъ въ другомъ, а именно въ томъ, что Ивановъ чувствуетъ во всѣхъ своихъ поступкахъ *фальшь* или, лучше сказать, не фальшь, а то, что въ немъ нѣтъ *устоя*, прочности, цѣльности, — что онъ Машу не любитъ полною любовью, какъ не любилъ ранѣе и Сарру. Маши тоже его не любить, и увлеклась имъ, какъ интереснымъ субъектомъ, — несчастнымъ человекомъ, готовымъ опуститься и *капитулировать все внизъ*, и задалась мыслью поднять его, воззвать къ жизни. И это въ Машѣ тоже видитъ Ивановъ, — онъ не лишень проницательности, — и понимаетъ, что не чувство любви привязываетъ эту дѣвушку къ нему, а идея, которой она задалась и исполнить которую, т. е. *поднять его*, стало потребностью ея организма...

Ивановъ настаиваетъ, чтобы Маши сама отказалась отъ него. Но развѣ та можетъ добровольно отказаться отъ своей излюбленной идеи? *она-бы и рада была, да не можетъ*. И, вотъ, чтобы развязать этотъ гордиевъ узелъ, — Ивановъ застрѣливается, и, такимъ образомъ, освобождаетъ Машу отъ себя... И иначе ему поступить нельзя было: конецъ его — вполне естественный. Онъ сознавалъ свою неспособность ни къ чему — ни къ глубокой привязанности, ни къ какому-либо дѣлу; онъ уже погубилъ одну женщину — первую жену — и, чтобы не погубить другую, рѣшилъ исчезнуть съ лица земли... И этотъ конецъ вполне прими-

